

НАША СТРАНА

36-ой год издания, Буэнос Айрес, суббота 28 апреля 1984 г.

"NUESTRO PAIS"

Buenos Aires, sabado 28 de abril de 1984 No. 1761

МЫСЛИ ВСЛУХ

СВОЙ ПРИЯТНЫЙ БЫТ

Выражение "либерализм" этимологически происходит от слова *liber-tas*, что значит свобода. Повидимому, корень этого слова связан с понятиями "люда" и "роста": на древнегерманском *liotan* (расти) и *liut* (личность, люди); на древнеанглийском *leodan* (расти), *leod* (люди); на готском *lindan* (расти); на древнегреческом *элеутерос* (свободный); на санскритском *rodhati*, *rohati* (он растет, подымается). В свою очередь, германский корень "fri", от которого происходят в этих языках слова обозначающие "свободу" (на древнегерманском *fri*; на древнеанглийском *freo*; на древненорманском *frjals*; на готском *freis*; на гальском *rhydd*) связан с понятиями "мягкий, нежный, приятный, милый" (по гречески "праис", а на санскритском *prīya*, что значит милый, любимый, приятный, приятель, принадлежащий к собственному роду или к собственной семье, то есть свободный, а не раб). (Webster's Dictionary).

В Риме, слово *liber* повидимому первоначально обозначало "личность обладающую естественной возможностью производить на свет". Посему, молодого человека, достигшего зрелого возраста, и вследствие этого находящегося в состоянии принять на себя обязанности в обществе, называли *liber*, и давали ему *toga virilis* или *toga libera*. Хозе Ферратер Мора, с своим монументальном философском словаре, выводит из этого заключение, что с самого начала идея свободы у римлян как бы направлена в двух направлениях: с одной стороны это возможность или мощь что-то творить или делать, с другой же стороны, это ответственность перед самим собой и перед обществом, то есть какое-то ограничение. Свобода — это значит быть в состоянии что-то делать, а до этого, что-то решать, как-то самоопределяться. Быть свободным, значит находиться в распоряжении, но для того чтобы исполнять известные обязанности. Ферратер Мора добавляет, что в дальнейшем понятие "свобода" получило много дополнительных толкований, но эти два исходных смысла всегда продолжают так или иначе в них присутствовать. (Jose Ferrater Mora, Diccionario de Filosofia, Buenos Aires, 1969. II, 49).

Таким образом, если свобода связана с понятием "своего быта", то в других индо-европейских языках это выражение связано с понятиями "своего люда", "своего рода", "своего общества" и "своих учреждений", в которых "приятно" жить, творить и даже исполнять общественные обязанности.

И. А.

ЕПИСКОП ГРИГОРИЙ

АГОНИЯ

Объявление о советском фильме "Агония" в ряде номеров "Нового Русского Слова" не обещало исторически объективной картины, посвященной революции 1917 г. Интересная статья г-жи Ольги Шаковой ("НРС", 11 января) показывает, что, действительно, этот фильм не обладает большими достоинствами: ни в изображении истории, ни в художественном отношении.

Не буду останавливаться на всех подробностях, справедливо подвергнутых критике г-жой Ольгой Шаковой. Однако она, по-видимому, недостаточно знакома с подлинной русской историей, чтобы заметить в фильме ряд важнейших нелепостей, совершенно искажающих облик царя Николая Второго.

Так, например, она пишет: "В одной из лучших сцен фильма царь, с которым не считается даже царевич Алексей..." Эта сцена совершенно ложна: наследник всегда был послушен отцу и очень с ним близок.

Абсолютно не заслуживает доверия сцена, где государь, отдав совершенно нелепое, основанное на "снах" Распутина распоряжение, вдруг хватается за ружье и начинает палить по стае парящих в небе зорон. Ничего и отдаленно похожего на это никак не могло быть. Это даже не карикатура, а просто злостный вымысел авторов фильма. По всем отзывам современников, государь до последнего дня своей жизни поража всех своей совершенно исключительной выдержкой и самообладанием. Он также был очень хорошо образованным военачальником и именно при его верховном командовании (кстати, принято им на себя в самый тяжелый период войны вопреки "общественному мнению") наступление неприятеля было остановлено по всем фронтам и русские войска к моменту начала революции перешли в наступление и уверенно шли к победе.

Об этом убедительно писал такой осведомленный человек как английский военный министр того времени Винстон Черчилль: "В марте царь был на престоле; Российская империя и русская армия держались, фронт был обеспечен и победа бесспорна... Согласно поверхностной моде нашего времени царский строй принято трактовать как слепую, прогнившую, ни на что не способную тиранию. Но разбор 30 месяцев войны с Германией и Австрией должен бы исправить эти легковесные представления. Силу Российской империи мы можем определить по ударам, которые она вытерпела, по бедствиям, которые она пережила, по неисчерпаемым силам, которые

она развила, и по восстановлению сил, на которые она оказалась способной...

Дело не в том, кто проделывает работу, кто начертывает план борьбы: порицание или хвала за исход выпадают тому, на ком лежит авторитет верховной ответственности. Почему отказать Николаю Второму в этом суровом испытании?.. Бремя последних решений лежало на нем, на вершине, где события превосходят разумение человека, где все неисповедимо, давать ответы приходилось ему. Стрелкою компаса был он. Воевать или не воевать? Наступать или отступать? Идти вправо или влево?.. Вот поля сражений Николая Второго. Почему не воздать ему за это честь?" Далее Черчилль перечисляет успехи Русской Армии под верховным командованием царя и заключает: "Тот строй, который в нем воплощался, которым он руководил, которому своими личными качествами он придавал жизненную искру — к этому моменту выиграл войну для России" (Winston Churchill. The World Crisis. 1916-18 Vol.1. London 1927, p. 223-225).

На фоне такого осведомленного заключения, какой глупостью предстает утверждение авторов фильма, что царь отдавал совершенно нелепые распоряжения, основанные на "снах" Распутина. Советского драматурга, вероятно, не интересовал истинный облик царя, нарисованный бесчисленными мемуарами и историческими фактами, его задачей была, конечно, не историческая правда, а дискредитация царской семьи.

Равным образом, какой клеветой звучат приписываемые императрице слова о России: "Ненавижу эту страну". Как противоречит это словам любви и всепрощения в отношении русского народа, которые можно прочесть в изданных теперь письмах императрицы, ни за что не желавшей уезжать из России, предпочитая страдать со своим народом.

Советские власти не допустили фильма, боясь привлекательности даже и сильно искаженного облика царя. Но зачем же у нас, в свободном мире, показывать в искаженном виде облик святых в своем мученичестве Царя и Царицы с их невинными детьми? Кому нужно здесь, на свободе, оскорблять их память и всех тех, кто их почитает?

Здоровое общественное мнение должно остановить кощунственное дело показа такого клеветнического фильма.

ЕПИСКОП ГРИГОРИЙ

ЗАВЕТЫ ПРЕДКОВ

Тебе, наш край, тебе, наш царь,
Готовы жизнь принести:
Спасем твой трон, спасем алтарь,
Отечество и честь!

Ф. ГЛИНКА

ПЕЧАТЬ

ТРУДНОСТЬ ВЫБОРА

В "Континенте" № 38, В. Валюс, в статье "Несколько переплетенных тем", говорит о растерянности новейших эмигрантов перед решением, какую из западных партий лучше поддерживать: левых или правых? Левых неприятно потому, что они — безоговорочные сторонники СССР и коммунизма. Правые же отталкивают своими шовинизмом и ксенофобией.

К сожалению, в этом последнем утверждении есть доля правды. Хотя, впрочем, враждебность правых обычно направлена не против политических эмигрантов (тем более — из стран за Железным Занавесом!), а против массовой иммиграции чернорабочих, как, например, алжирцев во Францию или турок в Германию; и тут у них имеются некоторые основания, с национальной точки зрения.

С другой же стороны, надо заметить, что как правило их недоверие к иностранцам быстро слабеет или совсем исчезает по отношению к людям, которые с ними честно сотрудничают. Думается, лучше всегда им и помогать; стараясь их предрассудки в меру сил ослабить; это, во всяком случае, будет полезным делом. Союз же с левыми есть союз с дьяволом, в котором: "Коготок увяз, всей птичке пропасть!"

Удивляет такой пассаж у Валюса: "... Писатель-эмигрант сетует в своей книге на забастовки в Париже. И притом наврное сочувствует польской "Солидарности". Как он совмещает два отношения к забастовочному движению, я не знаю. Наверное, в одних случаях руководствуется идейными соображениями, а в других житейскими".

Казалось бы, однако, что же тут странного, и в чем заключается противоречие? Очевидно, этот писатель просто — последовательный антикоммунист; и на вещи смотрит соответственно; то есть, сочувствует тому, что идет большевикам во вред, и не одобряет то, что им на пользу. Вне всяких житейских соображений; возможно, — и вопреки им. Так вот и мы все рассуждаем; да так бы и вообще надо.

В. Р.

ЛЮДМИЛА КЕЛЕР

КЛЕВЕТНИКИ И ФАЛЬСИФИКАТОРЫ

(продолжение)

Еще циничнее об Екатеринбургском злодеянии говорит П. М. Быков; он начинает с попытки оправдать незаконное убийство: "Областной совет признал, что суда, как это было намечено Москвой, организовать уже не удастся — фронт был слишком близок..." Дальше он раскрывает причины дьявольского плана уничтожить самые трупы: "Решение уничтожить трупы было принято в связи с ожидаемой сдачей Екатеринбурга, чтобы не дать в руки контрреволюции возможность с "мощами" бывшего царя играть на темноте и невежестве народных масс". 13) Мощи им удалось уничтожить и скрыть, но память о святом царе им никогда не удастся вырвать из сердца народа — по терминологии Быкова "темных и невежественных масс". Не их ли именем делалась революция? Их использовали, а теперь отзываются о них с пренебрежением! Но у всякого народа есть инстинкт, присущий как раз "темной и невежественной" массе и этот инстинкт в нужный момент подсказывает народу, что надо делать и во что надо верить. Этот инстинкт и помогает народу выжить. Этого инстинкта, увы, зачастую лишены как интеллигентный, так и полубразованный классы, подобно леммингам, стермющимся к гибели. Надо надеяться, что здоровый инстинкт народа еще покажет себя в решительный час.

Попытки замести следы преступлений — и Екатеринбургского, и Алапаевского и Пермского — привели к толкам о том, что Государь (или кто-нибудь из царской семьи вообще) спасся. В этих слухах повинны сами убийцы, опускаясь до инсценировок "похищений" и тому подобных трюков. Касвинов первый высказывает поразительную мысль: "Привидения иногда возвращаются". (стр. 19) Он, конечно, обвиняет в этом "западных спиритов", которые, де, по политическим мотивам "эксплуатируют историю казни царской семьи, соблазненные выигрышной, как им кажется, возможностью показать на этом примере "ужас рево-

13) П. М. Быков "Последние дни Романовых", Гос. из-во, Москва-Ленинград 1930, стр. 95.

люции и жестокость разбушевавшейся народной стихии". (стр. 19) По словам Касвинова, эти "чернильные наймиты антисоветского промысла" только тем и заняты, что выпускают статьи, книги, фильмы об Екатеринбургском злодеянии. Во главу перечня книг Касвинов ставит шумевшую книгу Мэсси. Объективному свидетелю, наоборот, кажется, что Запад отнесся удивительно снисходительно к инициаторам злодеяния, пожимая им руки и усаживая за столы всяких "Разъединенных Наций". Тут, по-видимому, сказывается чувствительность к справедливым упрекам: "на воре шапка горит".

Еще более удивительно, что последние страницы книги Касвинова, озаглавленные "Принцы и нищие", содержат довольно подробный (хотя и окрашенный злобным недоброжелательством) перечень членов царского дома, оставшихся в живых и некоторые сведения об их дальнейшей судьбе. Тут упоминается и Кирилл Владимирович и глава дома Романовых Владимир Кириллович. Касвинов, между прочим, старается доказать, что русский царственный дом по крови был, собственно, нерусским, понятно, что вопрос русской крови вождей революции и последовавших за ними тиранов его меньше беспокоит. Тут можно было бы ему сказать, что важна не кровь, а дух. Вот наудачу несколько примеров: никто не называет Владимира Дала (по происхождению датчанина), о Климента (Зедергольма, сына лютеранского пастора) или доблестного генерала Багратиона нерусскими. А какая же в них текла русская кровь?

Особенно подробно Касвинов останавливается на потомстве Кирилла Владимировича и, стараясь опорочить Владимира Кирилловича пишет: "Родился в Финляндии; паспорт у него баварский (!); живет то в Испании, то во Франции; одевается на английский манер; на пресс-конференциях изъясняется по-французски; царем хочет стать русским". (стр. 532) Попутно, Владимир Кириллович обвиняется в "поддержании культа предков". Некоторые сведения, сообщаемые Касвиновым с потугами на иронию, могут, однако, заинтересовать плохо осведомленных советских граждан: "Одной из монархических демонстраций, организованных Владими-

ром, была заупокойная церемония в Брюсселе, приуроченная к годовщине екатеринбургских событий (sic). Инсценировке придали размах. У церкви, подсвеченной прожекторами, собрались реакционеры из многих стран Запада; приняли участие в антисоветском сборище и четыре православных первосвященника из США во главе с Никоном, архиепископом вашингтонским". (стр. 532)

Опасаясь за возможность появления будущих претендентов, Касвинов отвергает такую возможность самым решительным образом. Ну, ему и книги в руки. Но, кажется, советская власть уж слишком опасается появления "лжедимитриев", которых она же и помогла создать своим замалчиванием Екатеринбургского преступления и изобретением нелепых версий о спасении тех или иных членов царского дома. В частности, Касвинов пишет: "Параллельно натуральным отпрыскам Романовых, завидуя их сладкой жизни в окружении поклонников и верно-подданных, имеются в свободном мире отпрыски фальшивые, самозванные, у которых нет за душой ничего, кроме вздорных басен о своем императорском происхождении и таких же сюжетов чудесного спасения из большевицкого плена". (стр. 534)

В дальнейшем Касвинов пытается дискредитировать Киру Кирилловну и Владимира Кирилловича, обвиняя их и их родственников в милитаризме, участии в политической жизни стран (конечно, в рядах консервативных партий) и, наконец, в "смычке" с ...остатками национал-социалистов: "Принцы и нищие". Беженцы и "чуждом спасенные". "Луи Фердинанд — глава дома Голенцолпернов и его жена Кира из дома Романовых. "Круг Цоллерн" и "Кругок Гиммлера", Шпрингер и Штраус. Анастасия Первая и Алексей Второй, а также из года в год, умножающаяся гурьба неизвестно откуда берущихся "царских деток", продублированных иногда в нескольких экземплярах". (стр. 535) Чем же Касвинов объясняет все эти явления? А вот чем: "И пресса, и книгоиздательство, и советологи "свободного мира", десятилетиями изоощающиеся во лжи, клевете, инсинуациях, муссирующие тему о гибели династии Романовых, о их потомках и приспешниках вроде Распутина, о

претендентах на родство с бывшим царем (помимо логики и правдивости, тут и грамматика захромала). Цель у них одна — любыми средствами опорочить первое в мире государство диктатуры пролетариата, советский социалистический строй, запугать читателя ужасами революции, низвергающей помазанников Божьих". (стр. 535)

Прочитав подобные словоизвержения только диву даешься, где эти бестрепетные борцы с коммунизмом на Западе? Скорее наоборот: сознательно или бессознательно, многие представители Запада льют воду на мельницу большевиков, стараясь запугать восставлением монархии. Его бы устами да мед пить! Увы, все это выдумки зарвавшегося советского писаки, способного из мухи сделать слона. И все-таки, может быть книга Касвинова и принесет некоторую пользу. Не случится ли с ней то, что происходит с некоторыми антирелигиозными изданиями, которые зачастую раскупаются верующими (или людьми, стемнящимися что-нибудь узнать о вере), для обратного употребления?

Быков утверждает, что "своей победой над последними защитниками монархизма трудящиеся России еще глубже вогнали осиновый кол в могилу династии Романовых, и какие бы меры ни принимали оставшиеся в живых охвостья (!) этого дома за границей, покойников из могилы не воротить". Далее Быков восхваляет "достижения" Советской власти, в частности "гигант Машиностроитель", "символ победы", построенный "вблизи того места, где сгнили в болоте кости последнего царя". 14) А может быть осиновый кол уже приготовлен, чтобы всадить его в спину ненавистной народу власти? И ни снос Ипатьевского дома, ни клеветнические измышления Касвиновых, ни самое топкое болото, не смогут поглотить или затемнить светлую память нашего царя-мученика. Народ долго молчит, но когда-нибудь он вынесет свой приговор.

И, может быть, этот день уже близок.

ЛЮДМИЛА КЕЛЕР

14) Быков, указанное сочинение, стр. 107.

П. НЕСТОРОВ

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ

ТРАГЕДИЯ ЛИВАНА

После того, как США, Франция и Италия отозвали свои военные части из Ливана, в этой стране происходит известная перемена политических тенденций, которая может вызвать также перемены и в общем положении на Ближнем Востоке. Премьер министр Ливана Шафик Ващан обвинил США в том, что они обманули и "налгали нам", обещая в свое время, что "Израиль в январе или феврале 1983 года отойдет из Ливана, и что мы отпразднуем наш национальный праздник 22 но-

ября 1983 без присутствия Израиля в нашей стране". Ващан выразил свое разочарование в США, но одновременно свое удовлетворение в сближении с арабскими странами. Как известно, после недавней встречи католического президента Ливана, Амина Гемайеля, с главами соседней Сирии (получающей значительную военную и дипломатическую помощь от СССР), и после аннулирования Ливаном пакта с Израилем, в ливанской международной политике наступил сильный крен в сторону отхода от прежней про-западной ориентации. Ливан, в первые годы

после Второй мировой войны, считавшийся "ближневосточной Швейцарией", всегда был раздираем внутренними расколами между разными магометанскими и христианскими меньшинствами. Это положение ухудшилось после того, как в Ливане укрепились палестинские беженцы, а среди последних разные политические палестинские организации, пытающиеся путем террора вести дальше войну с Израилем. В свою очередь Сирия претендует тоже иметь влияние в Ливане, так как она считает, что Сирия и Ливан исторически "одна страна".

Почти четверть века тому назад, автор этих строк имел возможность говорить о политических перспективах в Ливане с одним выдающимся ливанским мыслителем, католическим священником, сыном православных родителей. Тогда он выска-

зал весьма пессимистические мнения и взгляды на будущее не только Ливана, но христианства как такового на Ближнем Востоке. В конечном итоге, говорил он, все будут действовать против христианства: и магометане и евреи, и демократы и коммунисты.

В исторической перспективе, это вторая по счету трагедия христианства на Ближнем Востоке. Первой было магометанское нашествие в 7-ом и 8-ом веках. Второй было удаление (надеемся не окончательное) православной России со сцены не только Ближнего Востока, но и вообще всей международной политики, что и было одной их задач февральского а затем и октябрьского переворотов. Не только для самих российских народов, но и для всего мира, возрождение исторической России является насущной и

БИБЛИОГРАФИЯ

Л. Тимофеев. "Технология черного рынка". (Бейвилль, 1982).

Настоятельно эту небольшую книжку (носящую также жуткий и многозначительный подзаголовок: "Крестьянское искусство голодать") рекомендую вниманию читателей вообще, а также Д. Иноземову и Л. Келер. (С ними меня больше всего удивляет то, что добро бы они были старые эмигранты; а то ведь, как будто, из второй волны, как и я, и должны бы быть подсоветской России знать не хуже моего!).

Автор чрезвычайно дельно, ясно и живо описывает положение крестьянства в СССР: страшное давление на него власти, выжимающей из него все соки, и его непобедимые талантливость, жизнеспособность и трудолюбие, позволяющие ему, не смотря ни на что, существовать. Работа составлена не только на базе личных наблюдений, но и с учетом статистических данных и с использованием картин, даваемых художественной литературой, в частности деревенщицкой. В силу чего, вряд ли заключения Л. Тимофеева можно всерьез опровергать.

Выпишем несколько мест, которые говорят сами за себя: "Иногда кажется, что черный рынок, — все это искусство дышать в петле запретов и ограничений, вся эта простодушная хитрость, этот кооперативнический, — нами придуманы, что мы тут обманули советскую власть: нам колхоз, а мы приусадебное хозяйство; нам — дефицит и распределение по карточкам и талонам, а мы — взятку и товары через заднюю дверь; нам — постную пятницу в заводской столовой, а мы — кроликов разводить в городской квартире; нам — бесплатно плохого врача в конце длинной очереди больных, а мы — с подарком и без очереди к хорошему. Словили? Дудки! Когда надо, власти и приусадебное хозяйство прижмут запретами и налогами (так было!), и кроликов из городских квартир милиция вытрясет, и за подарки врачу сроки давать будут. Раз терпят, значит всем выгодно. Раз терпят, значит без этого и власти не удержатся. Нас тут отпустили слегка, чтоб вовсе не примерли, но на вожжах держат".

Оно хорошо из прекрасного далека наставлять безнравственных, закононепослушных советских граждан, и им:

Докупать моралью строгой.

Но как бы поступили те же ревнители честности, находясь они там? Если ребенок болен, или жена и дети голодны? А ведь не для своего удовольствия делают подарки доктору, или разводят кроликов у себя в квартире!

Как на деле выглядят люди, умеющие обходить правила, чтобы выжить? Тимофеев нам изображает свою знакомую, Аксинью Егорьевну: "20 лет без мужа она тянула все хозяйство и привыкла надеяться только на себя. Да и раньше, когда муж еще жив был, от него толку выходило немного... Так что не 20, а почитай все 45 лет она одна всех кормила, одевала, ставила на ноги. И дети все выросли, все выучились, каждый в жизни по-своему устроился. И всех Аксинья Егорьевна кормила не с каких-то волшебных доходов и уж, конечно, не от колхозных хлебов, которых для нее просто никогда не было, а со своего огорода, с 40 соток земли, — от черемухи у одного забора до яблони у другого, да вдоль 80 шагов — все, что оставила власть крестьянской семье после коллективизации".

В результате: "При первом знакомстве, цифры потрясают: на приусадебных участках, по разным подсчетам занимающих лишь 2,5 или даже 1,5 % всех посевных площадей страны... производится треть всего сельскохозяйственного продукта". Как убедительно вычисляет Тимофеев, все это — за счет того, что мужик работает фактически два рабочих дня в сутки.

Зато уж: "Для крестьянина воровство — продолжение его борьбы за свою долю необходимого продукта, продолжение приусадебного хозяйства. Крестьянское хозяйство невозможно вести без инвентаря, без хозяйственных построек, без тысячи мелочей: без мотка проволоки — починить на скорую руку плетень, без машинного масла — смазать колесо у тележки, с которой за сеном ходят, без самых этих колес, без гвоздей... Сколько бы мы ни тыкали пальцем, стоя посреди крестьянского двора, в различные

предметы вокруг нас, окажется, что почти ни один из них не куплен... Просто купить все это негде, ничто из необходимого не продается. Но раз не продается, а хозяйство-то все равно вести нужно — значит, воруются... Кто продаст крестьянину необходимые 2-3 мешка удобрений? В колхоз за ними не ходи, скажут: самим не хватает — и не без оснований скажут... А кто украдет, тот и продаст. Впрочем, чаще сам крестьянин и украдет... В магазине, кроме ведер и лопат, ничего нет. Но все есть в колхозе. Пойди на машинный двор — там наверняка какие-нибудь валяются" ... и т. д.

Вероятно, суровые ригористы Д. Иноземов и Л. Келер с негодованием от таких крестьян отвернутся и потребуют для них строгого наказания. Я — ничуть. Нисколько им в упрек *такого* воровства не ставлю; скажу прямо: на их месте — воровал бы и сам.

Про пьянство, специально интересующее моих уважаемых оппонентов, в "Технологии черного рынка" сказано, к сожалению мало: "Да и подступись к теме пьянства, научных сведений никаких не сыщешь. Сколько-нибудь систематического изучения пьянства не ведется".

Однако, кое что любопытное Л. Тимофеев нам все-таки сообщает: "Впрочем, если нет пока еще прямого плана на вырождение, жесткий план на выручку, на доход от пьянства — существует и действует. Государство из всего извлекает свою выгоду — даже из деградации личности алкоголика. А мы-то думаем, что хоть напившись ускользаем от социалистической реальности! Ничего подобного. Нас и здесь догонят. Деньги, которые мы отдаем за водку, не что иное, как косвенный налог с населения. Недаром в закрытом партийном распределителе водку дают по стоимости — с партийной бюрократии налогов не взимают. Специалисты утверждают — не печатно, конечно, но конфиденциально, — что доход от продажи водки на много превышает нынешние экономические потери от пьянства. Власть от этого дохода легко не откажется, даже если грядущее коммунистическое общество наполовину будет состоять из идиотов и потомственных алкоголиков".

Опять не то выходит! Получается, что не безалаберные русские

пейзаны подводят свое добродетельное правительство, а, совсем наоборот, что оно правительство их спаивает, да заодно еще и грабит! Но, умолкаю: опять ведь скажут будто я поощряю выпивох и разгильдяев...

Добавлю еще, что Тимофееву я верю, тем более, что масса и других источников, весьма разнообразных, все то же грустное положение вещей подтверждают. А вот с изумлением читал я, еще не так давно, помнится в "Континенте", вовсе идиллические пейзажи сельской жизни В. Некрасова. Того почитать, — крестьяне не только благоденствуют, но даже и веселятся; настолько, что им ни о социальных, ни о национальных проблемах за развлечениями и удовольствиями недосуг и думать. Правда, он нажимал на благодатную Украину, где и климат, и нравы — иные, чем в суровой нашей Великороссии, и гораздо более выгодные для населения. И все же, признаться, сильно подозреваю, что у него налицо тенденциозные преувеличения почти астрономического масштаба, граничащие, мягко выражаясь, с дезинформацией.

Владимир Рудинский

Журнал «Согласие».

В г. Лос Анжелосе издается русский патриотический журнал "Согласие", 33-й год издания, на 64 стр.

Отделы: политика, история, религия, литература и крестословицы.

Подписная плата в США — 15 долл., за границу 18 долл.

Чеки направлять по адресу: "Soglasie"

5430 Fernwoode Avenue
Los Angeles, CA 90027

УТОЧНЕНИЕ

По ошибке, заглавие статьи И. П. Рыбкина в № 1755 "Нашей Страны" — "Об учредительном собрании" было изменено на "Учрежденка", в чем редакция приносит автору извинения.

неотлагательной политической необходимостью, ибо только такое возрождение сможет органически разрешить большинство региональных политических конфликтов, без ущерба для справедливых интересов когобы то ни было.

УСИЛЕНИЕ СОВЕТСКОГО ВЛИЯНИЯ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ

Все данные говорят в последнее время о новом усилении советского влияния на Ближнем Востоке. Политические наблюдатели связывают это с неудачей политики США в Ливане.

После того как в 1972 году из Египта были высланы 17.000 советских "советников", и после того как отношения между Ираком и СССР были заморожены в 1970 году, единственной страной на Ближнем Востоке, в которой продолжало быть сильным советское влияние, осталась Сирия.

Но после ливанских событий и после отказа США Саудитской Аравии и Иордании в продаже ракетного оружия, которое эти страны могли бы применить с успехом против Израиля, был нарушен более чем 20-летний "статус-кво" на Ближнем

Востоке.

После того как член ЦК КПСС Карен Брутенс посетил Дамаск, на этой неделе посетил Каир шеф ближневосточного отдела советского министерства иностранных дел Владимир Поляков. Он был послом в Каире в 1972 году. Ливанская газета "Аль Нахар", ссылаясь на арабские дипломатические источники, предполагает, что Поляков попытается снова наладить советско-египетские отношения.

Одновременно, посол Саудитской Аравии в Вашингтоне, Эмир Бадан Бен Султан, пригласил к себе на ужин в посольство советского посла в США Анатолия Добрынина, что вызвало известную сенсацию в Вашингтоне, так как до сих пор Саудитская Аравия вообще поддерживалась антисоветской линией. Также и Иордания заявила о том, что она будет вынуждена прибегнуть к покупкам советского оружия, если США и дальше будут отказывать ей в поставках нужного ей вооружения. Король Гуссейн даже заявил недавно, что СССР является такой же сверх-силой как и США, и поэтому должна принимать такое

же участие в ближне-восточных делах.

Параллельно с этим, в Алжире состоялась на этой неделе встреча представителей разных враждующих палестинских организаций, с целью достижения некоторого согласия между ними.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОАЛИЦИЯ В ИЗРАИЛЕ?

Шестой по счету президент Израиля, Хаим Герцог, недавно посетил Англию, но не как официальный гость английской королевы, а как частное лицо, приглашенное еврейской общиной в этой стране. (Английское правительство избегает такого рода приглашения, также как и официальных визитов королевы в Израиль, опасаясь реакций арабских стран).

Интересно, что теперешний президент Израиля сам родился в Бельфасте, в Северной Ирландии, и был британским подданным. ...Его отец был великим раввином Ирландии. В 1935 году, когда Хаиму Герцогу было всего 17 лет, он был назначен главным раввином Палестины, тогда под английским управлением. Поз-

же, его отец стал первым великим раввином Государства Израиль. Во время Второй мировой войны, Хаим Герцог служил в английской армии, и закончил войну в чине английского полковника. После войны он поступил в еврейскую подпольную армию "Хаганах", и после создания Государства Израиль был одним из первых генералов израильской армии. В 1948 году он основывает израильскую военную секретную службу, и становится ее первым директором.

Ввиду предстоящих выборов в израильский парламент, президент Герцог пригласил к себе представителей враждующих политических партий, для того чтобы они смогли в его присутствии, и совсем доверительно, высказать свои разногласия. Некоторые круги в Израиле не исключают возможности, что этот бывший основатель и шеф израильской разведки и посол в Объединенных Нациях, сможет в будущем возглавить национальное коалиционное правительство, в случае если наступит какой-нибудь тяжелый кризис в жизни Израиля.

П. НЕСТОРОВ

А. ОПУЛЬСКИЙ

О ПРОФАНАЦИИ

УШЛО ЛИ В ПРОШЛОЕ — ВРЕМЯ СТАЛИНА?

Книга, о которой пойдет речь, называется "Воспоминания о непрошедшем времени". Название и эффектное, и интригующее: что это за время, которое еще не прошло, но о котором уже можно вспоминать, как о прошедшем?

Ответ весьма неожиданный: автор имеет в виду сталинское время.

Поняв, что это именно так, испытываешь неприятное недоумение, поскольку твердо был уверен, что со смертью тирана умерло, кануло в прошлое, стало прошедшим и его время. Неужели это время еще имеет над автором власть? Прочитав книгу, мы убеждаемся, что это так.

Многое в этой книге, автор которой Раиса Орлова, странно, многое неприятно, а некоторые эпизоды хотелось бы сразу же забыть. Самое тяжелое впечатление оставляет, пожалуй, воспоминание о разговоре юной Орловой с отцом. Произошло это в разгар "большого сталинского террора". С тревогой прослушав по радио очередную передачу о бдительности, отец, пытаясь успокоить душевное смятение и выйти из подавленного состояния, обращается к дочери: "А если меня арестуют?" Но 19-летняя студентка говорит совсем не те слова, которые он ожидает услышать: "Я буду считать, что тебя арестовали правильно".

Не правда ли, какой чудовищный ответ? Но это для Вас, читатель, живущий в мире свободы духа и естественных отношений между людьми. А для тех, кто был воспитан на примере Павлика Морозова и вырос павликами морозовыми, этот ответ — "нормальный".

Нормален он и для нашей героини, как нормально для нее получить, через шесть лет после этого разговора, предложение от "органов" стать их постоянным осведомителем — как нормально для нее согласиться на это предложение.

Читатель, вероятно, думает, что хуже этого в книге Р. Орловой ничего быть не может... Увы, это не так. Хуже, что и теперь, после многолетних раздумий Р. Орлова эти поступки оправдывает. Они, разумеется, гадкие, размышляет она в своей книге, но ведь она была жертвой времени. "Разве можно обойтись без жертв? Вот мне и пришлось стать жертвой".

Но даже и это не самое плохое в книге. Самое плохое, что Р. Орлова приписывает свое миропонимание и свои этические критерии всему поколению, утверждая, будто в сталинские годы ее взгляды и ее поведение были единственно возможными, единственно естественными и потому всеобщими.

Неужели никто из оболганного Р. Орловой поколения не возмутится, прочитав ее воспоминания, подумали мы. Оказалось, что это опасение не оправдалось: 20 января в газете "Новое Русское Слово" была опубликована рецензия Иосифа Косинского "Книга умолчаний", автор которой отметил и неправдивость книги, и многие другие ее недостат-

ки.

То, что не мог смолчать именно узник сталинских лагерей и принципиальный антикоммунист было естественно.

Нестесненное произошло после этого: две статьи, напечатанные в той же газете взяли плохую книгу под защиту.

Одну статью написал В. Некрасов, и, хотя наибольшее внимание он уделил в ней собственной персоне, все же из того, что он пишет о книге Р. Орловой, можно понять, что в ней он не разобрался. И как это эмигранты из Советии ухитряются быть столь аполитичными?

Другую статью написал С. Максудов, и она такова, что ограничиться лишь упоминанием о ней невозможно.

Дело в том, что она написана с тех же позиций, что и книга Р. Орловой: С. Максудов упорно пытается убедить читателей, что в сталинские годы "все были не без греха", и даже рассказывает по этому поводу евангельскую притчу о грешнице и первом камне. Разумеется, сам С. Максудов никакого камня не бросает, и уж совсем не потому, что не знает грехов Р. Орловой — просто не придает им никакого значения. Да и вообще вместо того, чтобы раскрыть формирование политических взглядов Р. Орловой (чему, собственно, ее книга и посвящена), он занимается "профессиональным разговором" о "затянутых местах", о "естественных новеллах" и подобных "несовершенствах формы".

Конечно, после деловой, конкретней и объективней статьи И. Косинского такие умолчания о сущности книги делают рецензию С. Максудова совершенно беспомощной именно с профессиональной точки зрения. Вероятно поэтому ее автор прибегает к (увы!) так хорошо нам всем известному приему — не упоминая больше о книге, которую взялся рецензировать, он пускается в оценку авторов — и книги, и статьи. При этом автора книги Р. Орлову он щедро оделяет пирогами и пышками, а автору статьи И. Косинскому достаются от него синяки и шишки.

С. Максудов (и, к сожалению, он не один) явно убежден, что срок давности "ошибок тех лет" (так деликатно именуется преступление коммунистов) уже прошел, и потому анализ политической деятельности Р. Орловой в 30-ые и 40-ые годы можно подменить воскурением фимиамов по поводу ее просветительской деятельности 60-х и 70-х годов (чему отводится ровно треть "рецензии"). Ведь до того приятно написать, что "они с мужем охотно делились своими знаниями и нередко выступали в качестве энтузиастов и пропагандистов всего нового, пока еще мало известного". (Муж здесь выходит на авансцену, повидимому, чтобы никто не набрался смелости и не спросил Р. Орлову "а чем вы занимались" до этих 60-х годов?)

Оставшийся от восхвалений Р. Орловой пыл, С. Максудов употреб-

ляет на усердное шельмование И. Косинского. Некоторые пассажи на эту тему читаешь с отвращением и возмущением. Чего, например, стоит "предположение" С. Максудова о жизненном пути его оппонента:

"Попасть в лагерь — это безусловно трагедия. Но является ли это подвигом, которым можно гордиться?.. Возможно, Иосиф Косинский всегда и все понимал, оказался в тюрьме не случайно, а за подготовку вооруженного восстания против советской власти, а, выйдя из лагеря продолжал бескомпромиссную борьбу, завершившуюся вынужденной эмиграцией"...

А знаете, уважаемый читатель, что именно заставило С. Максудова написать о человеке, достойном самого высокого уважения, так издевательски? Только тот факт, что он посмел сравнить свою трагическую судьбу гонимого казбистами с беспечной судьбой Р. Орловой, казбистами обласканной. Это, оказывается, "аморально"!

Напрасно С. Максудов считает, что пребыванием в сталинских лаге-

рях и в лефортовской тюрьме гордиться нельзя. Этим нужно гордиться, как нужно стыдиться того, что был на хорошем счету у казбистов. И это теперь общеизвестно, г-н Максудов — не зря ведь обласканные тогда казбистами пытаются теперь доказать, что и они "пострадали".

То, что происходит с "Воспоминаниями о непрошедшем времени", до боли знакомо: 1) Критик написал отрицательную рецензию, 2) Немедленно появилась защита, которая, сказав два слова о книге, занялась возвеличением автора и избиванием критика, 3) Вокруг книги установилась тревожная тишина.

Неужели и здесь, "на свободном Западе", могут торжествовать те, которых совсем недавно вынудили снять с себя "пожизненные юнштурмовки" и плувеенные френчи, а те, кого они, "честно заблуждаясь", травили и отправляли в лагеря, должны молчать! Это было бы и странно, и страшно...

А. ОПУЛЬСКИЙ

Волею Божией 13 апреля с. г., после продолжительной болезни, скончался

АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ ЛЫГИН

о чем сообщает убитая горем жена

13 апреля после продолжительной болезни скончался

АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ ЛЫГИН

Выражают искреннее сочувствие вдове покойного твои товарищи по сцене.
Вечная память, дорогой Саша!

В плену ошибочных концепций

ОТВЕТ В. РУДИНСКОМУ

В. Рудинский упрекает меня в невнимательном чтении его статьи и в "искажении слов и мыслей". Может быть стоит напомнить ему некоторые выражения из статьи "Продолжение спора" ("Наша Страна", № 1746). Например: "... беспробудное пьянство, желание себя одурманить; забыться, говорит скорее в пользу русской нации, чем наоборот: хуже было бы, кабы люди мирились с большевизмом и чувствовали себя морально удовлетворенными". Это, конечно, не призыв к пьянству, (чего я никогда и не утверждал), а оправдание сего порока.

Теперь о "честной работе на большевиков". Разве всякая работа в Советском Союзе на большевиков? Не привожу вновь своих прежних примеров, но задам В. Рудинскому такой вопрос: врач, лечащий больных, тоже должен работать как можно хуже, "залечивая" своих пациентов, чтобы повредить власти? Но разве этим он действительно нанесет вред власти, а не людям, своим ближним?

Мне на большевиков не пришлось работать (честно или нечестно), так как я уехала шести лет от роду. Не думаю, чтобы мою деятельность в американском университете можно было расценивать как "работу на большевиков"; во всяком случае мои левые коллеги так не думают. В остальном — одна из моих поездок на родину закончилась насильственной высылкой — видимо, и там моя деятельность не пришлась по вкусу властям.

И уж совсем непонятно, в чем г-н Рудинский видит "нападку... приближающиеся к личным". Вообще-то не хотелось бы принципиальные возражения переводить в личную плоскость и потому я заранее оговариваюсь: я отнюдь не собираюсь уличать В. Рудинского в склонности к сивухе, самогону, даже денатурату...

Людмила Келер

"НАША СТРАНА". Русская монархическая еженедельная газета. Основана 18 сентября 1948 И. Л. Солоневичем. Издатель: Михаил Киреев. Редактирует: Ред. Коллегия. Адрес: М. Kireeff, Monroe 3578 — 11, 1430 Buenos Aires. Номер тел. М. Киреева: 89-0862. Статьи подписанные фамилией или инициалами не обязательно всегда выражают мнение редакции. Рукописи не возвращаются.

Цены за экземпляр газеты: Австралия - 0,80 ав. дол.; Германия - 1,80 н. м.; Франция - 5 фр.; Италия - 1100 лир; США - 0,80 ам. дол.; Аргентина - 8 песо. В остальных странах - 0,80 ам. дол. Цена объявлений: за 1 см. в 1 колонку - стоимость 3 экземпляров газеты в соответствующей валюте. Чек и "моней ордер" выписывать на имя Miguel Kireeff с местом уплаты в США или Европе.

"NASHA STRANA" — "NUESTRO PAIS". Semanario monarquico ruso. Fundado el 18 de septiembre de 1948. Registro Nacional de Propiedad Intelectual No: 949.917. Editor: M. Kireeff, Monroe 3578 — 11, 1430 Buenos Aires

Correo ARGENTINO Sucursal 30 (B) Franqueo pagado. Conces.No. 4233 Interes general. Conces.No. 3980